

ПОСЛЕ РАЗВОДА.
ОТЕЛЬ
НЕ ПРОДАЕТСЯ

СОНАСКОФИЛД

Сона Скофилд

**После развода.
Отель не продается**

«Автор»

2026

Скофилд С.

После развода. ОТЕЛЬ не продается / С. Скофилд — «Автор», 2026

После развода бывший муж предложил выкупить мой отель почти на треть дешевле. Он был уверен: кредит, старое здание и приближающийся сезон заставят меня согласиться. Я отказала. На рассвете в служебном корпусе начался пожар. Теперь страховая не спешит с выплатой, новый кредитор угрожает забрать «Северную дюну», гости отменяют брони, а найденные улики указывают на умышленное вмешательство. Чтобы сохранить отель и работу для своей команды, мне придется сотрудничать с независимым экспертом Дмитрием Корнеевым. Его честный отчет способен спасти мой бизнес — или окончательно лишить меня всего. Дмитрий не обещает удобных выводов, не предлагает денег и не пытается решать за меня. Именно поэтому рядом с ним все труднее держать дистанцию. Но пока от его работы зависит страховой спор, любое чувство становится риском для нас обоих. У меня есть несколько недель, чтобы восстановить отель, доказать саботаж и понять, смогу ли я снова довериться мужчине, не потеряв себя.

Содержание

ПРОЛОГ. Не продается	5
ГЛАВА 1. Пять минут на решение	10
ГЛАВА 2. Человек с актом допуска	16
ГЛАВА 3. Цена закрытого корпуса	22
ГЛАВА 4. Новый кредитор	27
ГЛАВА 5. Нулевая версия	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сона Скофилд

После развода. Отель не продается

ПРОЛОГ. Не продается

Бывший муж положил передо мной предложение о покупке отеля и попросил не превращать подпись в семейную драму.

Я прочитала первую страницу. Покупатель — ООО «Северный контур». Предмет сделки — сто процентов долей «Северной дюны», здания, оборудование и права по договорам аренды. Цена — двести восемнадцать миллионов рублей.

Три месяца назад независимый оценщик назвал другую сумму: триста семь миллионов.

— Это предложение действительно до понедельника, — сказал Вадим. — Деньги поступят после регистрации перехода доли. Твои гарантии по кредиту мы закроем в рамках сделки.

Он сидел на том же стуле, который выбирал вместе со мной шесть лет назад. Тогда мы спорили о цвете обивки и смеялись, потому что поставщик прислал образцы всех возможных оттенков серого. Сейчас Вадим не снял пальто и не спросил, как прошла неделя. Перед ним стоял стакан воды, к которому он не притронулся.

— Где обязательства по сотрудникам? — спросила я.

— На третьей странице.

Я перевернула лист.

«Покупатель намерен рассмотреть возможность продолжения трудовых отношений с ключевым персоналом».

— Здесь нет обязательств.

— Аня, я не могу заранее обещать сохранить восемнадцать человек только потому, что ты привыкла работать с ними.

— Двадцать пять с совместителями.

— Тем более.

Я закрыла папку. Вадим посмотрел на часы, хотя приехал на двадцать минут раньше назначенного времени и попросил администратора никого к нам не пускать. Тимур все равно предупредил, что через сорок минут в кабинете начнется вечерняя планерка. После развода мои сотрудники перестали принимать распоряжения Серова. Ему это не нравилось.

— Ты предлагаешь на восемьдесят девять миллионов меньше оценки, — сказала я.

— Оценка сделана для спокойного рынка. У тебя кредит, старое здание и сезон, который еще нужно провести. Я забираю риски вместе с активом.

— Основному корпусу четырнадцать лет. Малому крылу — семь. Оба здания прошли обследование прошлой осенью.

— Через месяц гостиницы на побережье начнут демпинговать. Потом появятся сезонные расходы. Потом банк пересмотрит условия. Ты можешь получить деньги сейчас или провести лето, доказывая, что справишься одна.

— Я управляю отелем двенадцать лет. Восемь из них — до нашего развода.

— Я помню.

Он произнес это без раздражения. Вадим редко повышал голос. Даже неприятные решения он сообщал так, словно предлагал выбрать удобное время доставки.

За дверью остановилась тележка горничной. Слышно было, как звякнули стеклянные бутылки с водой, затем колеса снова покатали по коридору. В открытом окне пахло морем и свежей краской: утром рабочие обновили перила у западного входа. До майских праздников оставалось две недели.

— Твоему проекту нужен наш подъезд, — сказала я. — И подключение к сетям.

— Моему проекту нужна понятная территория. Твой отель стоит между участком и берегом. Это неудобно всем.

— Гостям удобно.

— Пока они приезжают.

Я открыла последнюю страницу. Место для подписи было отмечено желтой закладкой. Рядом лежал список приложений: кредитный договор, выписка по залогу, перечень оборудования, который мог составить только человек, хорошо знавший хозяйство отеля.

Вадим бывал здесь много лет. Он знал, какой генератор мы купили после зимнего отключения, сколько стоила новая система бронирования и почему я отказалась ставить в номерах дешевые чайники. В браке эта осведомленность казалась участием. Позже выяснилось, что он использовал те же цифры в презентации своего курортного комплекса.

На слайде для инвесторов «Северная дюна» уже входила в проект. Я узнала об этом раньше, чем о Марии Гориной. Развод начался с одного документа, а не с чужой помады на воротнике.

— Нет, — сказала я.

— Ты даже не обсудишь условия?

— Я их прочитала.

— За четыре минуты.

— Потому что главное условие стоит на первой странице. Отель продается целиком. Я не согласна.

Он откинулся на спинку стула.

— Мы полгода обсуждали это дома.

— Ты полгода объяснял, почему мой ответ нужно считать предварительным.

— Теперь это обычная сделка двух компаний.

— Тогда прими обычный письменный отказ.

Я подвинула к себе ноутбук, нашла письмо юриста и поставила в копию Ольгу. Текст мы подготовили после первого предложения: цена не соответствует оценке, условия по сотрудникам отсутствуют, отчуждение доли не рассматривается. Я добавила номер сегодняшнего документа и отправила.

Телефон Вадима коротко подал сигнал. Он достал его, прочитал уведомление и убрал обратно.

— Ты могла хотя бы взять время до понедельника.

— Чтобы ты сообщил партнерам, что я рассматриваю продажу?

— Чтобы ты не принимала решение из обиды.

— Решение принято по цене, условиям и плану работы на сезон. Обиду я не включала в протокол.

Он помолчал. Я знала эту паузу: раньше после нее Вадим менял довод и начинал говорить мягче. Несколько лет мне требовалось слишком много сил, чтобы не принять спокойный тон за разумность самого предложения.

— Банк не будет ждать вечно, — произнес он. — У тебя тридцать восемь миллионов долга и личное поручительство.

— Следующий платеж пятого мая. Деньги зарезервированы.

— Речь не об одном платеже.

— Тогда изложи все остальное письменно.

Я открыла правый ящик стола и достала небольшой конверт. В нем лежала серая сервисная карта с выцветшей наклейкой. Я нашла ее неделю назад, когда разбирала последнюю коробку вещей из городской квартиры.

— Это было у тебя, — сказала я.

Вадим посмотрел на карту.

— Старый пропуск. Он давно не действует.

— Поэтому я спокойно возвращаю его под расписку.

Я положила рядом подготовленный акт. Он усмехнулся, но подписал. Карту и акт я убрала в прозрачный файл для Ольги.

— Ты всегда считала бумагу надежнее людей.

— Нет. Просто люди забывают, о чем договорились.

— Я не забыл.

Он встал и застегнул пальто. На безымянном пальце не было кольца. Мое лежало в банковской ячейке вместе с нотариальным соглашением о разделе имущества. Я не выбросила его и не хранила возле кровати. Это была вещь, за которую когда-то заплатили деньги и которая больше не имела практического назначения.

У двери Вадим остановился.

— Скоро у тебя не будет выбора, Аня.

— Не называй меня так.

— Хорошо, Анна Сергеевна. До понедельника предложение остается в силе.

— Ответ уже отправлен.

Он вышел.

Я не пошла к окну смотреть, как он садится в машину. Открыла календарь, перенесла разговор с поставщиком белья на утро и позвонила Ольге.

Она вошла через минуту с распечаткой движения денег за неделю. Ольга работала в отеле дольше меня и никогда не спрашивала, как я себя чувствую, пока оставалась задача, которую следовало решить первой.

— Подписала? — спросила она.

— Отказ.

— Он назвал новую цену?

— Двести восемнадцать.

Ольга положила распечатку рядом с предложением и быстро просмотрела третью страницу.

— Про людей ничего.

— Намерение рассмотреть возможность.

— Прекрасная формулировка. Намерение можно торжественно выполнить и ничего не сохранить.

Она села напротив.

— Тогда возвращаемся к нашим расходам. На счете и коротком депозите пять миллионов восемьсот. Платеж по кредиту зарезервирован. В апреле загрузка чуть выше половины. По июню семьдесят четыре процента подтверждено, но до бесплатной отмены еще далеко. Если не будет сюрпризов, в сезон войдем нормально.

— А если корпоративная группа подтвердится?

— Попросим аванс. Пока это только запрос на восемьдесят человек и желание получить весь отель дешевле, чем двадцать номеров.

— Передай Наталье варианты меню без скидки на ресторан. Номера можем считать пакетом.

Ольга сделала пометку.

— Карта у него откуда?

— Осталась среди вещей. Он говорит, что старая.

— Я проверю номер у Тимура и закрою, если ее не закрыли раньше.

— И все остальные старые карты тоже.

Она подняла на меня глаза.

— Сегодня?

Я посмотрела на время. До планерки оставалось девять минут. Полный аудит доступов стоил денег и занимал не один вечер. После развода я уже дважды переносила его: сначала из-за годового отчета, потом из-за подготовки к сезону.

— Начни с этой, — решила я. — Полный список сделаем после майских.

Ольга записала и не стала спорить. Полный аудит уже второй раз сдвигался в моем календаре на потом. Я знала, что задача не закрыта, и все равно выбрала срочное.

В шесть часов в кабинете собрались Ольга, Тимур и Павел Ильич. Вечерняя планерка занимала двадцать минут, если никто не приносил проблему без цифр и срока.

Тимур открыл список заездов.

— Сегодня все сорок два гостя на месте. До воскресенья свободны семь номеров, три уже ушли в продажу по тарифу выходного дня. В двести четвертом снова жаловались на слабый напор после десяти вечера.

Павел Ильич записал номер.

— Давление проверю после планерки. По прачечной: Аркадий приезжал в среду, сушильную машину посмотрел. Сегодня две смены отработала без остановки.

— Что было с ней? — спросила я.

— Ошибка по нагреву. Он снял панель, проверил контакты и датчик. Сказал, что замена не нужна.

— Акт есть?

— В системе. Завтра подпишу бумажный, они его привезут с общим счетом.

— До подписи сравни с заявкой.

— Конечно.

Мы перешли к поставке полотенец и графику сезонных собеседований. Вадим в разговоре больше не возникал. Отель работал не вокруг моего развода. К ужину нужно было посадить двадцать семь человек, в двести четвертом восстановить давление, а двум горничным согласовать отпуск до начала июня.

В половине одиннадцатого я поднялась в служебную квартиру. Она находилась над административным крылом, поэтому от стойки до моей кухни я доходила за две минуты. Такое жильё экономило время и постепенно лишало понятия «конец рабочего дня».

Я приняла душ, поставила телефон на зарядку и проверила дежурный отчет. В ресторане закрыли смену без расхождений. В двести четвертом Павел заменил фильтр, давление восстановилось. Ночная прачечная начала работу в двадцать три ноль пять.

От Вадима пришло сообщение: «Ты всегда выбираешь самый дорогой способ доказать, что справишься без меня».

Я сделала снимок экрана для юриста, сохранила его в папку и не ответила.

Будильник стоял на семь. Я легла около полуночи и уснула почти сразу.

В пять тридцать восемь меня разбудил непрерывный сигнал пожарной тревоги.

Я села, включила свет и посмотрела на панель оповещения у входной двери. Красный индикатор показывал служебную зону основного корпуса.

На телефоне уже высветился вызов от ночного администратора.

— Анна Сергеевна, прачечная, — сказал Тимур. Он говорил быстро, но разборчиво. — Есть дым. Дежурная вызвала пожарных. Начинаем по инструкции?

— Да. Я спускаюсь.

Я натянула джинсы, футболку и рабочую куртку, сунула ноги в кроссовки. Мастер-карта лежала у двери, но я оставила ее на месте: до разрешения пожарных она мне не понадобится.

Через минуту я была у стойки. Тимур держал распечатанный ночной список размещения. За стеклянной дверью коридора уже собирался дым, и магнитные замки служебной зоны отключились по сигналу.

— Начинаем ночную эвакуацию, — сказала я. — По плану.

ГЛАВА 1. Пять минут на решение

Тимур разложил ночной список на стойке и провел пальцем по первой колонке.

— В отеле сорок два гостя. Девятнадцать номеров в основном корпусе, четыре в малом крыле. Из персонала: Лена, Олег, Галина Викторовна, повар завтрака и я. Плюс вы.

— Галина вышла из прачечной?

— Да. Она у служебного входа с Олегом. Дыма наглотаться не успела, говорит нормально.

Я взяла список. На полях уже стояло время сигнала — 05:38 — и фамилия Лены, которая вызвала пожарных. На мартовской тренировке мы договорились: при тревоге ничего важного не держать только в памяти.

Из динамиков прозвучало записанное сообщение о необходимости покинуть здание. Следом Лена повторила его в микрофон своим голосом. Первый этаж заполнялся людьми: кто-то успел накинуть куртку, кто-то вышел в гостиничном халате, мужчина из сто восьмого нес за ремень две дорожные сумки.

— Сумки оставьте здесь, пожалуйста, — сказала я. — На улицу через главный выход. Место сбора — дальняя парковка у синего указателя.

— Там четыре градуса.

— Пледы вынесут. Сейчас нужно выйти.

Он открыл рот, посмотрел на закрытую стеклянную дверь служебного коридора и поставил сумки у стены.

Лифт остановился автоматически. Гости спускались по двум лестницам. Олег вышел из служебной зоны и направился к восточному пролету, но я остановила его.

— Где дым?

— За дверью прачечной. В коридоре видимость есть.

— После проверки второго этажа наружу. В прачечную не входить.

— Понял.

У Олега были фонарь и рация. На прошлой тренировке он дважды проверил одну подсобку, поэтому теперь у каждого сотрудника был закреплен свой участок. Олег назвал осмотренные номера и продолжил обход.

Я поставила отметку напротив группы из сто пятнадцатого: супруги Кругловы и их дочь. Девочка лет десяти держала кроссовки, но шла босиком.

— Лена, дай ей тапочки у стойки. Мама, не останавливайтесь, обувь возьмете на улице.

Женщина кивнула. Лена подхватила пару одноразовых тапочек и догнала их уже у выхода.

Сигнал продолжал звучать. Он мешал слышать вопросы, зато никто не мог решить, что тревога закончилась сама. Я отмечала фамилии по мере выхода и называла Тимуру номера, из которых людей еще не видела.

— Двести четвертый?

— Спускаются по западной лестнице, — ответил он после сообщения в рации.

— Триста двенадцатый?

К стойке подошла женщина в пуховике поверх пижамы. Ее муж из триста двенадцатого ушел бегать около пяти двадцати и оставил телефон в номере. Я записала фамилию Чернов, время выхода и обычный маршрут по набережной. Женщину направила на место сбора, а информацию передала Тимуру для пожарных.

Через четыре минуты после начала оповещения первый этаж опустел. Лена проверила туалеты возле ресторана и вышла последней из своей зоны. Я посмотрела на стеклянную дверь. Дым за ней стал плотнее, но в холле запаха гари почти не было.

— Анна Сергеевна, идем, — сказала Лена.

Я выключила настольную лампу у стойки, хотя это действие ничего не меняло, и сразу разозлилась на себя за потерянную секунду. Мы вышли через главный вход.

На парковке гости стояли группами. Ветер шел со стороны моря, люди прижимали пледы к плечам. Повар завтрака Нина вынесла две упаковки бутылок с водой и одноразовые стаканы. Галина Викторовна сидела на складном стуле возле служебного въезда. На ней были рабочие брюки и легкая кофта; Ольга еще не приехала с запасной одеждой.

Я подошла к Галине.

— Что произошло?

— Вторая сушилка остановилась. Я открыла внешнюю дверцу, увидела дым из панели и сразу нажала ручной извещатель. Потом закрыла дверь прачечной и вышла.

— Огонь видели?

— Внутри панели было красное. Я не подходила смотреть.

— Правильно. Голова не кружится? Не тошнит?

— Нет. Только замерзла.

Я сняла рабочую куртку и накинула ей на плечи. Нина принесла мне плед, и я сразу завернулась в него.

С улицы послышалась сирена. Первая машина свернула к служебному въезду в 05:46. Олег открыл ворота и встал сбоку, не мешая проезду. Следом подъехала вторая.

Руководитель группы подошел ко мне уже в каске и дыхательном аппарате.

— Кто отвечает за объект?

— Анна Лаврова, директор. Сигнал из служебной прачечной основного корпуса. Внутри зарегистрированы сорок два гостя, один из них вышел на пробежку до тревоги. По списку персонала все снаружи. Газовых установок нет. Электроцит прачечной в коридоре перед помещением, общий ввод в технической комнате со двора.

Я передала ему план первого этажа и ночной список с пометками. Он задал еще несколько вопросов: где пожарный гидрант, есть ли баллоны, кто последним был в прачечной. Галина ответила сама. Потом нас попросили отойти за ленту.

Только тогда я пересчитала людей на дальнем участке парковки вместе с Тимуром.

Сорок один гость.

Чернов действительно находился вне здания. Его жена стояла рядом с Леной и смотрела на дорогу. Остальные фамилии сошлись. Пять сотрудников и я тоже были на месте.

— Запиши итог и время, — сказала я.

— Уже.

Тимур показал планшет. Он побледнел и говорил короче обычного, но не пропустил ни одной строки.

— После передачи списка поедешь домой, — сказала я. — Лена дождется дневной смены, Ольга будет через десять минут.

Он хотел возразить, но к парковке подбежал мужчина в спортивной куртке и шортах. Чернов остановился возле ленты, увидел пожарные машины и сразу нашел жену. Тимур поставил последнюю отметку.

— Сорок два, — сказал он. — Все гости учтены.

Я передала обновление пожарным.

В 06:02 на парковку приехала Ольга с двумя сумками теплых вещей. Через дорогу владельца кафе «Гавань» уже открывала зал. По взаимному аварийному договору их посетители при необходимости собирались у нас, наши гости — у них.

— Лариса готова принять людей, — сказала Ольга. — Что горит?

— Вторая сушильная машина. Остальное пока неизвестно.

— Пострадавшие?

— Нет. Галину посмотрит скорая, когда приедет. Одна гостья тяжело дышит.

Женщина из двести шестого сидела в машине мужа с открытой дверью. Ей было семьдесят два, она жаловалась на слабость и не могла говорить длинными фразами. Нина оставалась рядом. Мы не стали решать, виноваты тревога, холод или хроническое заболевание, и вызвали скорую.

Ольга повела первую группу в «Гавань». Я попросила оставить на парковке по одному сотруднику с каждой частью списка. Гости переходили дорогу по пешеходному переходу, без чемоданов и попыток вернуться в номера.

Такая попытка все же случилась через несколько минут.

Мужчина из двести четырнадцатого попросил забрать из холодильника номера инсулин. Он хотел сам показать дорогу, но я не пустила его за ленту и передала номер пожарным. Через семь минут ему вынесли охлаждающий чехол. Владелец проверил содержимое после сверки фамилии.

В 06:19 из служебного входа перестал выходить дым. Пожарные продолжали работать внутри, один из них проложил рукав к запасному выходу. Я не знала, означало ли это, что огонь потушен, и не стала объявлять об этом гостям.

В «Гавани» Ольга включила обогреватели. Нина поставила воду для чая и разложила на подносах хлеб, сыр и фрукты из нашей кухни. Использовать плиту без сотрудников кафе мы не имели права, поэтому горячего завтрака пока не было.

Я встала у входа в зал.

— Доброе утро. Все находившиеся в отеле люди учтены, погибших и пропавших нет. Пожарные работают в служебной прачечной. Возвращаться за вещами до их разрешения нельзя. Мы уже связываемся с соседними гостиницами. Для тех, кто решит уехать, оформим возврат за неиспользованные ночи. Следующую информацию дам в семь часов.

— А наши вещи сгорели? — спросила девушка у окна.

— У меня нет таких данных. Огонь в служебной зоне, но оценку состояния номеров еще не проводили.

— Почему вы не знаете?

— Потому что сейчас туда допущены только пожарные.

Кто-то начал снимать меня на телефон. Я видела экран и продолжила отвечать. Скрыть пожар в отеле невозможно, даже если очень хочется выбрать удачный ракурс для первой фотографии.

В 06:34 приехала скорая. Галине Викторовне рекомендовали обратиться за помощью при кашле или головокружении. Гости из двести шестого измерили давление и насыщение крови кислородом. Через двадцать минут она перешла в кафе и сама подписала отказ от госпитализации.

Я позвонила в две гостиницы, с которыми мы обменивались гостями при перепродаже номеров. В «Балтийском доме» было девять свободных номеров, в пансионате «Лесной» — восемь. Этого хватало для всех, кто не хотел уезжать из Ветровска, если расселить семьи по прежнему составу.

— Транспорт будет к половине восьмого, — сообщила Ольга. — Два микроавтобуса. Девять тысяч за оба рейса.

— Подтверждай. Проживание оплачиваем мы до конца текущих броней или до решения гостя уехать.

— Даже тем, кто бронировал невозвратный тариф?

— Всем.

Она кивнула и внесла сумму в аварийную таблицу. За первые пятьдесят минут пожар уже стоил нам больше ста тысяч рублей, если считать транспорт, размещение и возвраты. Ущерб зданию мы еще не знали.

В 06:48 руководитель пожарной группы вышел к служебному въезду и снял маску.

— Открытое горение ликвидировано. Очаг в корпусе второй сушильной машины, есть повреждение отделки прачечной и задымление служебного коридора. Сейчас проверяем перекрытия и вентиляцию. В основной корпус никого не пускаем. Малое крыло тоже пока закрыто, пока не отключим его от общей системы и не проверим.

— Когда можно будет забрать вещи гостей?

— После проветривания и осмотра. Организуем проход группами с сопровождением, если в жилой части все чисто. Раньше восьми не обещаю.

— Могу я передать вам акты обслуживания машины?

— Подготовьте копии. Оригиналы никому не отдавайте без оформления.

Павел Ильич стоял рядом, в рабочей куртке поверх домашнего свитера. Он приехал сразу после моего звонка, но к оборудованию его не допустили.

— Ее в среду проверяли, — сказал он. — Аркадий смотрел датчик и контакты. Вчера она две смены отработала.

Руководитель группы повернулся к нему.

— Кто такой Аркадий?

— Электрик сервисной компании. «БалтСервисПром».

— Фамилия, номер договора, заявка на работы. Подготовьте все.

Павел посмотрел на меня.

— В кабинете лежит бумажный журнал. Я могу зайти, когда разрешат.

— Только с сопровождением, — ответила я. — До этого подними электронную заявку с телефона.

Он отошел к своей машине и открыл заявку на телефоне со второй попытки.

В семь часов я снова собрала гостей. Теперь могла сообщить, что открытое горение ликвидировано, но оба корпуса временно закрыты. Люди задавали практические вопросы: когда забрать паспорта, кто оплатит такси до аэропорта, можно ли оставить машину на нашей парковке. На каждый вопрос мы записывали фамилию и способ связи. Там, где ответа не было, я называла время следующего обновления.

Женщина, снимавшая первый разговор, спросила, вернем ли мы деньги за прерванную ночь. Я подтвердила полный перерасчет и предупредила, что банковский возврат может занять несколько дней, а документ отеля она получит сегодня.

Ее телефон оставался включенным. Я говорила только то, что мы могли выполнить.

К половине восьмого приехала дневная смена. Тимур передал Лене список, аварийную таблицу и вопрос с машиной Черновых на внутренней парковке. Затем я забрала у него рацию.

— Домой, — сказала я.

— Напишите, когда пустят в корпус.

— После сна прочитаешь общий отчет.

Ольга протянула ему ключи от своей машины.

— Я приехала на ней. Такси ждать дольше. Оставишь у себя, вечером заберу.

Тимур хотел отказаться, но посмотрел на время и взял ключи. В восемь утра закончились его четырнадцать часов на объекте, включая планерку перед ночной сменой. Это уже было больше, чем следовало допускать.

Когда микроавтобусы увезли первую группу, я поднялась на парковку к главному входу. Дым из здания больше не шел. На втором этаже были открыты два окна, возле служебного въезда лежали мокрые рукава. Обычная апрельская сырость смешалась с запахом гари, который чувствовался даже через дорогу.

Ольга встала рядом.

— Восемь семей согласны на переселение. Пять номеров уезжают сегодня, остальные ждут вещи и решат. Предварительно возвраты и чужое размещение — триста восемьдесят тысяч, если считать до понедельника.

— Считай до вторника. Лучше потом уменьшить сумму.

— Хорошо. Страховую уже уведомили?

Я посмотрела на часы. 08:06.

— Сейчас.

На круглосуточной линии страховщика сначала проверили номер полиса, адрес и мои полномочия. Затем оператор зарегистрировал событие и продиктовал номер обращения. Я повторила его Ольге, чтобы она записала отдельно.

— До осмотра независимого специалиста не перемещайте оборудование и не начинайте восстановительные работы в зоне предполагаемого очага, — сказала оператор. — Допускаются действия для предотвращения дальнейшего ущерба при обязательной фиксации.

— Когда будет специалист?

— Региональная группа свяжется с вами до десяти часов. Срок выезда зависит от допуска пожарных.

— Мне нужен письменный перечень ограничений.

— Направим на электронную почту, указанную в полисе.

Я завершила разговор и переслала номер обращения Инге, нашему юристу. Объяснять версию причины не стала. У нас ее пока не было.

В 08:40 пожарные разрешили короткий проход в жилые коридоры основного корпуса. Гости заходили группами по четыре человека в сопровождении сотрудника и пожарного. В номерах на третьем этаже пахло дымом, хотя видимых повреждений не было. Шесть комнат над служебной зоной оставили закрытыми до замеров и дополнительного осмотра. Вещи из остальных забрали без задержек.

Павел вынес бумажный журнал в прозрачном пакете, который ему дали пожарные. Последняя запись датировалась шестнадцатым апреля: «СМ-2, контроль после диагностики, замечаний нет». Подпись стояла его.

— Где акт подрядчика? — спросила я.

— Они должны привезти со счетом. В электронной заявке есть отметка о выполнении.

— Сделай копию заявки и ничего в ней не редактируй.

— Я и не собирался.

Он ответил резче, чем обычно. Я не стала успокаивать его фразой, которой сама не верила бы. Если проверка найдет нарушение, нам придется назвать его точно.

К девяти часам в городских группах появились первые фотографии пожарных машин. На одной из страниц написали, что отель «сгорел из-за неисправной проводки» и есть пострадавшие. Тимур до отъезда сохранил ссылку и время публикации.

Мы с Ольгой подготовили официальное сообщение из четырех абзацев: пожар произошел в служебной зоне, все люди эвакуированы и учтены, тяжело пострадавших нет, размещение временно приостановлено до проверки. Для гостей добавили отдельную форму с номером брони и выбором — переселение или возврат.

— Про причину пишем? — спросила Ольга.

— Нет. Причина устанавливается.

— Срок закрытия?

— Ближайшие двое суток точно. Дальше обновим после осмотра.

Я перечитала текст, убрала обещание «скоро вернуться к обычной работе» и нажала кнопку публикации. Слово «скоро» нельзя поставить в календарь или предъявить подрядчику.

В 09:27 мне позвонили из инженерного бюро «Фактор риска». Координатор уточнила, сохраняется ли доступ к месту пожара и кто встретит группу. Руководитель осмотра должен был приехать к часу дня.

— Фамилия специалиста? — спросила я.

— Корнеев Дмитрий Павлович. С ним будет техник для фотофиксации. До их приезда вам направят акт допуска и список материалов.

Я записала имя рядом с номером страхового обращения.

В десять пожарные передали предварительный акт и оставили прачечную закрытой. Основной корпус требовал проверки вентиляции и электроснабжения. По малому крылу отдельное решение можно было получить позже, но пока гостей туда не возвращали.

Ольга принесла два приказа. Первый назначал ее руководителем временного штаба до вечера. Вторым останавливал размещение в основном корпусе минимум на двое суток и замораживал новые брони на те же даты.

— Если подпишешь, система снимет номера с продажи через пять минут, — сказала она.

В мае у нас было шестьдесят восемь процентов подтвержденных броней. До высокого сезона оставалось меньше двух месяцев. Закрытие на два дня могло закончиться неделей, а неделя — отменами на все лето. Я понимала это до того, как взяла ручку.

— Малое крыло тоже не продаем до письменного допуска, — сказала я. — Добавь в приказ.

Ольга внесла строку и вернула документ.

Я подписала оба экземпляра.

ГЛАВА 2. Человек с актом допуска

В двенадцать сорок семь я подписывала очередное подтверждение возврата, когда у главного входа остановился темный служебный кроссовер.

Из машины вышли двое мужчин. Первый достал из багажника жесткий кейс и рулон защитной пленки. Второй взял папку с документами и, прежде чем направиться к дверям, сфотографировал общий вид фасада, пожарную машину у служебного въезда и ленту вокруг зоны погрузки.

Я встретила их в холле.

— Дмитрий Корнеев, «Фактор риска». Руководитель осмотра, — представился мужчина с папкой. — Это Роман Климов, техническая фиксация. Кто сейчас отвечает за доступ?

На нем были рабочие ботинки и темно-синяя куртка без заметного логотипа, только с нашивкой бюро на рукаве. Короткие темные волосы у висков уже тронула седина. Нос когда-то был сломан и сросся с небольшим смещением. Я заметила это, пока он доставал удостоверение, а потом стала читать бумаги.

Направление от страховщика, доверенность бюро, перечень допущенных специалистов, акт об отсутствии личной заинтересованности. Срок первичного осмотра — три рабочих дня. Отдельно было указано, что техническая группа не определяет виновность конкретных лиц.

— За доступ отвечаю я, — сказала я. — Пожарные передали предварительный акт. Инспектор ждет вас у служебного входа.

— Сначала регистрируем документы. У вас ведется журнал посетителей после события?

— У Ольги.

Я позвала ее. Дмитрий не протянул папку через стойку и не попросил поставить подпись там, где удобно ему. Он дождался, пока Ольга откроет журнал, внес данные обоих специалистов, номера удостоверений и время. Роман получил временную карту с доступом только в служебный коридор. Я расписалась за вторую карту.

— Мне постоянная не нужна, — сказал Дмитрий.

— Она действует до двадцати часов и фиксирует каждый проход.

— Тогда подходит.

Он задал вопрос о защитной одежде. Павел принес одноразовые комбинезоны и бахилы, а каски и перчатки специалисты привезли свои. Я переодевалась в подсобке и слышала, как Дмитрий уточнял у инспектора границы переданной зоны. Ни слова о причине пожара. Только что уже зафиксировано, где взяты образцы и какие поверхности пока запрещено очищать.

В служебном коридоре работало временное освещение. Электричество в прачечной было отключено, на щите висела бирка с фамилией ответственного. На полу оставалась вода после тушения. Ее собрали к нижней точке резиновыми порогами, чтобы она не ушла под стену ресторана.

Я шагнула к щиту.

— Отсюда идет отдельная линия на малое крыло. Если покажу схему, вы сразу увидите, что его можно запускать независимо.

— Стойте, — произнес Дмитрий.

Он не повысил голос и не пытался взять меня за руку. Просто встал у края сухой зоны, закрывая проход плечом.

— Я знаю, куда наступать.

— Я пока не знаю, что вы измените следом обуви. Схему покажете с порога.

— Следом моей обуви?

— Здесь уже прошли пожарные. Нам нужно отделить их работу от всего, что появится после. Роман сначала снимет пол, дверной проем и положение бирок. Потом зайдем по одному маршруту.

— Вода у стены. Ее нужно убирать.

— Уберем после фиксации уровня и разрешения инспектора. Это займет пятнадцать минут.

Я посмотрела на часы над дверью. В соседнем кафе ждали решения двенадцать гостей, которые еще не выбрали переселение. Каждые пятнадцать минут имели цену. Но спорить с человеком, у которого были акт допуска и понятный порядок действий, означало потратить еще больше.

— Хорошо. Схема в кабинете Павла и в папке пожарного плана.

— Принесите обе. Если версии отличаются, это нужно увидеть сейчас.

Павел принес ламинированную схему из коридора и рабочий комплект из кабинета. Они совпали, кроме обозначения нового автомата ресторана, который установили в феврале. Дмитрий записал дату замены и номер подрядчика, хотя автомат находился на другой линии.

— Это имеет отношение к пожару? — спросила я.

— Пока не знаю.

— Вы так будете отвечать на все вопросы?

— На те, где вывод еще не подтвержден.

Роман закончил общий план и разложил на сухом участке пронумерованные метки. После разрешения инспектора в коридор вошли он и Дмитрий. Я шла третьей. Павел остался у двери и отвечал, когда требовалась схема или название узла.

В прачечной сильнее всего пострадал правый ряд оборудования. У второй сушильной машины обгорела боковая панель, над ней почернела краска. Металлическая тележка с чистым бельем стояла у противоположной стены, ткань намочла при тушении. Первая сушилка и две стиральные машины выглядели целыми, но питание на них не подавали.

Дмитрий осмотрел помещение по кругу, не приближаясь к оборудованию. Роман снимал общий план, затем каждую стену и участок пола. Номера кадров он проговаривал вслух, Дмитрий записывал их в таблицу.

— Где находилась оператор? — спросил он.

— За гладильным столом, — ответила я. — Галина покажет, когда вы ее пригласите.

— Сначала зафиксируем без нее. Потом попросим встать в дверях и описать действия.

— Она не войдет в прачечную.

— Я этого и не предлагал.

Он присел у нижней части сушильной машины, не касаясь корпуса, и попросил Романа снять маркировку кабеля. Затем показал инспектору участок возле сервисной панели. Тот добавил его в протокол.

— Что там? — спросила я.

— Следы термического воздействия.

— Это и без экспертизы видно.

— Поэтому я не называю их причиной.

Павел тяжело переступил за моей спиной. Дмитрий обернулся.

— Павел Ильич, вы заходили сюда после эвакуации?

— Нет. Меня не пустили.

— Вчера после окончания второй смены?

— В двадцать два сорок. Проверил журнал, оборудование работало. Потом ушел домой.

— Кто остался?

— Галина Викторовна. Ночной цикл ставит она.

— Доступ к сервисной панели у нее есть?

— Физически — да. Инструмента и права на ремонт — нет.

— Ключ требуется?

— Обычный квадрат. Он у инженеров и у подрядчика.

Я повернулась к Павлу.

— У подрядчика свой ключ?

— Такие панели стандартные. Это не номерной замок.

Дмитрий попросил Романа сфотографировать замок крупно. Я услышала щелчки камеры и впервые за день пожалела, что полный аудит доступа остался в календаре на май.

Через двадцать минут инспектор разрешил откачать воду. Уровень был отмечен на стене съемной линейкой, общий план сохранен, насос подключили к внешнему генератору. Дмитрий составил для меня список допустимых работ прямо в коридоре.

— Воду убрать можно. Мокрое белье вынести после общей съемки и пересчета тележек. Вентиляцию жилой части включать только после проверки каналов. Осушители в прачечной пока нельзя. Сушильные машины, кабели и щит не перемещать. Отделку не снимать.

— А малое крыло?

— Его проверит электролаборатория утром. Сегодня я не дам технического заключения по линии, которую видел только на схеме.

— От вас не требуется разрешение на работу отеля.

— Верно. Но страховщик запросит мой акт осмотра, а подрядчик по электробезопасности — результаты измерений. Если вы откроетесь до них, решение будет вашим.

— Оно в любом случае мое.

— Тогда вам нужны данные, а не мое согласие.

Мне не понравилось, насколько спокойно он это произнес. Вадим обычно говорил тем же тоном перед фразой, после которой оказывалось, что правильный ответ уже выбран за меня. Дмитрий, напротив, вернул решение мне вместе со всеми возможными последствиями. Удобнее от этого не стало.

Мы вернулись в холл. Ольга подготовила стол в переговорной: копии актов, журнал эксплуатации пожарной системы, договор с «БалтСервисПромом», электронная заявка на диагностику сушилки. Оригиналы лежали отдельно, выдача каждого фиксировалась.

Дмитрий сел ближе к розетке, подключил ноутбук и открыл форму первичного опроса.

— Начнем с человека, который обнаружил дым. Анна Сергеевна, вы хотите присутствовать?

— Да.

— Тогда не отвечайте за сотрудников и не уточняйте их формулировки во время рассказа.

— Я умею молчать.

Ольга тихо кашлянула, пряча реакцию. Дмитрий только повернул экран так, чтобы Галина могла видеть текст своих ответов.

Галина рассказала о ночном цикле. В двадцать три ноль пять она запустила вторую сушилку с партией полотенец. Цикл закончился, затем был еще один. В пять тридцать четыре машина остановилась и выдала ошибку нагрева. Через минуту из боковой панели пошел дым. Галина не открывала саму панель, только внешнюю дверцу барабана, чтобы проверить белье. Увидев дым, она нажала ручной извещатель, закрыла дверь помещения и вышла.

— После ошибки вы пытались перезапустить машину? — спросил Дмитрий.

— Нет.

— Обычно перезапускаете?

— Если ошибка по фильтру. По нагреву вызываю инженера.

— Кто вас этому научил?

— Павел Ильич. И в инструкции написано.

— Инструкцию покажете?

— Она висит у входа. Копия у меня в шкафчике.

Дмитрий внес оба источника в список. Он не задавал один вопрос трижды разными словами и не пытался поймать Галину на неточном времени. Когда она сказала «около половины шестого», он сверил это с записью панели и уточнил только последовательность.

Следующим вошел Павел. Его рассказ совпал с тем, что я уже знала: заявка во вторник, приезд Аркадия в среду, диагностика, две рабочие смены в пятницу.

— Что именно делал подрядчик? — спросил Дмитрий.

— Проверил клеммы, датчик температуры, ток на нагревателях.

— Панель снимал?

— Да.

— Детали менял?

Павел задержался с ответом.

— По акту — нет.

— Я спрашиваю, что вы видели.

— Я уходил на двадцать минут к водяному насосу. Когда вернулся, панель уже стояла на месте. Аркадий сказал, замена не потребовалась.

Дмитрий записал это без комментария.

— Кто закрыл заявку в системе?

— Я подтвердил, что машина работает. Саму работу закрыл Аркадий со своей учетной записи.

— У него есть доступ извне?

— У сервисных подрядчиков есть кабинет. Только к своим заявкам.

— Кто назначает права?

— Администратор системы. Сейчас Тимур.

— Карты доступа?

— Выдает охрана по заявке инженерной службы.

— Карта возвращена?

— В журнале должна быть отметка.

Я услышала знакомое «должна быть» и открыла журнал посетителей. Напротив фамилии Аркадия Белова стояло время входа 10:16 и выхода 12:04. В колонке возврата карты была подпись охранника.

— Вот, — сказала я.

Дмитрий посмотрел сначала на строку, потом на меня.

— Саму карту вы проверяли?

— Нет. Но подпись есть.

— Значит, у нас есть запись о возврате. Наличие карты проверим отдельно.

— Вы считаете, ее могли оставить?

— Я считаю, что запись и предмет — разные источники.

— А я считаю, что вы уже ищете нарушение сотрудников.

Павел сдвинул стул, собираясь вмешаться. Я жестом попросила его остаться на месте. Первый повторный прием из журнала контроля я уже нарушила бы, если бы снова отвечала за человека, которого обещала допустить к проверке.

Дмитрий закрыл форму опроса.

— Я ищу расхождения. Дефект оборудования, ошибка обслуживания, неправильная эксплуатация и внешнее вмешательство в начале проверки рассматриваются одинаково. Если выбрать виновного сегодня, отчет можно не писать.

— Внешнее вмешательство вы действительно рассматриваете?

— Как одну из версий. Оснований назвать ее основной пока нет.

— Что будет основанием?

— Состояние защитных элементов, следы доступа, документы по последним работам, лаборатория. Возможно, появится другая версия.

— Когда?

— Первичные выводы — после вскрытия сервисной панели совместно с инспектором. Не раньше понедельника.

До понедельника оставалось двое суток и неизвестное число отмен. Я записала срок, хотя хотела потребовать другой.

Опрос продолжался до пяти. Дмитрий запросил выгрузку пожарной панели, журналы обхода за неделю, договоры с сервисными компаниями и список людей, имевших доступ к прачечной. Отдельным пунктом стояла тренировка по эвакуации.

— При чем здесь мартовское занятие? — спросила я. — Система сработала, все вышли.

— Поэтому оно и важно. Страховщик проверит не только причину, но и действия после сигнала. В отчете нужно отделить ущерб от оборудования от работы персонала.

— То есть вы можете признать эвакуацию правильной, даже если найдете нарушение обслуживания?

— Это разные вопросы.

Впервые за весь разговор его ответ уменьшал риск, а не добавлял новый.

В шесть вечера я вернулась в кабинет. На столе лежали списки переселенных гостей, новые отмены и два счета от аварийных подрядчиков. Я начала утверждать платежи. На третьем документе Ольга остановила мою руку.

— Ты уже вернула деньги по этой брони сорок минут назад.

Я проверила номер. Один и тот же гость подал запрос через форму и написал на почту, а я не заметила отметку Тимура о первом возврате. Второй платеж еще не ушел.

— Сними его с реестра.

— Сниму. А ты заканчиваешь.

— В восемь приедет электрик по вентиляции.

— Его встречу я. Дневной администратор останется до закрытия штаба. Тимур спит и сегодня не возвращается.

— Мне нужно знать результат.

— Утром получишь акт. Сейчас ты почти отправила человеку двойную сумму.

Дмитрий вошел без кейса, но с журналом выдачи документов. Он услышал последнюю фразу и остановился у двери.

— Мы закончили в зоне пожара, — сообщил он. — Перед уходом нужна подпись за переданные копии.

Я расписалась в журнале и открыла приказ о расширенном доступе к внутренним документам.

— Здесь все, что вы запросили сегодня. Завтра добавим журнал мартовской тренировки, полный список сервисных карт и заявки за шесть месяцев. Доступ только для вашей группы и страховщика в пределах проверки.

Дмитрий прочитал приказ до конца.

— Добавьте резервные копии электронных заявок, если они ведутся.

— Зачем, если есть система?

— Чтобы проверить, совпадает ли содержание.

— Совпадает.

— Тогда проверка займет недолго.

Я вписала почтовый архив и подписала. Это означало, что эксперт увидит не только аккуратные акты, но и просроченные заявки, перенесенный аудит доступа, переписку о стоимости

обслуживания. Выдать часть было бы проще. После сегодняшней ошибки с возвратом я уже не могла утверждать, что усталость и уверенность ничего не меняют.

Ольга забрала у меня ключ от кабинета.

— Восемь часов сна, — сказала она. — Если проснешься раньше, не спускайся до шести.

— Ты не можешь запретить мне войти в собственный кабинет.

— Могу не вернуть ключ.

Дмитрий положил на стол список материалов на утро.

— Копии можно передать Ольге Викторовне, — сказал он. — Ваше присутствие до начала осмотра не требуется.

— Вы всегда поддерживаете людей, которые отбирают у клиента ключи?

— Только если клиент дважды утверждает один возврат.

Он произнес это без улыбки. Ольга улыбнулась за двоих.

Я оставила ей право подписи по аварийным расходам до ста тысяч, дневному администратору — решения по переселению в рамках утвержденного списка. На отдельном листе указала вопросы, по которым меня нужно разбудить: травма человека, новый пожарный риск, отказ системы оповещения, расход выше лимита.

Все остальное могло подождать до утра.

Я вышла из кабинета без ключа. На столе остался запрос Дмитрия: журнал тренировки третьего марта, выгрузка всех сервисных карт и заявки подрядчиков за последние шесть месяцев.

ГЛАВА 3. Цена закрытого корпуса

Я проснулась в шесть десять без будильника и несколько секунд прислушивалась к обычным звукам административного крыла. Внизу закрылась дверь служебного входа, по лестнице прошел сотрудник, в санузле соседней квартиры включилась вода. Сигнализации не было.

Я спала девять часов. Это не вернуло отелю гостей и не уменьшило ущерб, зато в утреннем отчете я с первого раза заметила, что два номера из списка переселения указаны дважды.

Ольга сидела в кабинете с семи. На ней была вчерашняя рубашка, но волосы она успела вымыть и собрать.

— Ты сама сколько спала? — спросила я.

— Пять часов дома. С шести здесь. До обеда работаю, потом уеду.

Она показала сводку. За ночь никто не пострадал, пожарная сигнализация оставалась в рабочем режиме, основной корпус был закрыт. Подрядчик проветрил жилые коридоры и взял пробы воздуха в шести номерах над прачечной. Двенадцать гостей окончательно уехали из Ветровска, остальные разместились в двух соседних гостиницах.

— В малом крыле в девять начинается электролаборатория, — продолжила Ольга. — Дмитрий Корнеев будет на месте. Павел уже готовит схемы.

— Почему Дмитрий?

— Потому что его группа должна зафиксировать состояние до подачи напряжения. Он написал это в письме вчера в половине девятого.

— Мне копию отправили?

— Отправили. Ты спала.

Я открыла письмо. В нем не было просьбы срочно ответить. Дмитрий перечислил порядок: внешний осмотр, измерения лаборатории, проверка отдельной линии пожарной сигнализации, тест аварийного освещения, акт ответственного за электрохозяйство. Страховой эксперт присутствовал только для фиксации. Решение о работе малого крыла оставалось за директором отеля.

— Все правильно, — сказала я.

— Я знаю. Поэтому не разбудила.

До приезда лаборатории я прошла через малое крыло. Оно соединялось с главным зданием закрытым переходом, но имело отдельный наружный вход, лестницу, служебную кладовую и свой узел питания. Вчера противопожарную дверь перехода закрыли и опечатали со стороны основного корпуса. Через нее нельзя было пройти к прачечной или ресторану.

В двенадцати номерах уже убрали последствия ночной эвакуации: открытые бутылки, забытые тапочки, полотенца на полу. Горничные работали вдвоем и отмечали каждое помещение в листе проверки. Запаха дыма здесь не было. Я удержалась от вывода, что значит, опасности тоже нет.

У отдельного входа Павел разговаривал с двумя сотрудниками лаборатории. Дмитрий стоял чуть дальше и снимал на планшет показания вводного счетчика до включения. Вчерашнюю куртку он сменил на серый рабочий комбинезон. Увидев меня, назвал время начала фиксации и попросил расписаться в журнале.

— Вы уже что-то нашли? — спросила я.

— Пока подтвердили, что пломбы на вводе малого крыла не нарушены. Дальше работают специалисты лаборатории.

— Вы не специалист по электричеству?

— Специалист. Но измерения по договору выполняют они, и протокол подпишут они. Я не буду дублировать чужую ответственность.

Павел услышал и одобрительно хмыкнул. Вчера он воспринимал Дмитрия как человека, который приехал искать виноватого среди сотрудников. Сегодня профессиональное разделение ролей его устроило.

Испытания заняли почти три часа. Проверяли сопротивление изоляции, автоматическое отключение, аварийное освещение и отдельный шлейф сигнализации. Мне хотелось спрашивать о результате после каждого прибора, но значения еще нужно было сопоставить с проектом. Я занималась номерами: утвердила список уборки, заказала доставку завтраков из «Гавани» на два дня и подготовила отдельные условия для гостей малого крыла.

В одиннадцать Тимур прислал сообщение, что проснулся и готов вернуться.

«Сегодня отдыхаешь до конца дня. Завтра смена с восьми», — ответила я.

Он поставил короткое «Принял». Никаких заверений, что чувствует себя прекрасно, не последовало.

К полудню Дмитрий попросил показать журнал мартовской тренировки. Я принесла оригинал и копию, которую Ольга подготовила для страховщика.

Тренировка третьего марта проводилась ночью. По сценарию дым считался обнаруженным в кладовой второго этажа. Западная группа третьего этажа вышла за девять минут при целевом времени семь. Причина была записана в акте: администратор повторно проверил два пустых номера и задержал передачу доклада. После разбора мы изменили распределение участков.

Дмитрий положил рядом копию и оригинал.

— Здесь одинаковый комплект страниц?

— Да.

— Приложение с превышением времени тоже передаете?

— Оно часть журнала.

— Некоторые считают иначе.

— Тогда они передают рекламный буклет, а не документ.

Он внес номер приложения в опись.

— Во сколько вчера все люди оказались снаружи?

— Первый этаж опустел через четыре минуты. Полный список сошелся до приезда первой машины. Точное время у Тимура в аварийной таблице.

— Один гость был вне здания?

— Вышел на пробежку в пять двадцать. Жена сообщила маршрут, мы передали пожарным. Он вернулся на парковку.

— Это отражено?

— Да.

Дмитрий попросил электронную таблицу, затем выгрузку панели. В последовательности событий первым стоял ручной извещатель у прачечной — 05:37:56. Через одиннадцать секунд сработал датчик дыма служебного коридора. Оповещение и разблокировка выходов включились автоматически.

— Система отработала штатно, — сказал он.

— Это уже можно написать в акте?

— Да. С оговоркой, что проверка журнала обслуживания продолжается.

— Какая связь между обслуживанием сушилки и системой оповещения?

— Прямой нет. Поэтому выводы будут отдельными.

Я посмотрела на него внимательнее. Вчера он перечислял версии, от которых зависела страховая выплата. Сегодня без просьбы признал факт, полезный отелю. Для него это, вероятно, было обычной работой. Мне пришлось напомнить себе, что точность не становится добродетелью только потому, что результат меня устраивает.

— Спасибо, — сказала я.

— За что?

— За прямой ответ.

— Другого у меня нет.

Он вернулся к панели, а я пошла к Ольге.

В финансовой таблице появилось три сценария. Первый предполагал полное закрытие до середины мая и ремонт за собственный резерв. Денег хватало на девятнадцать дней обычных обязательств, потом пришлось бы задерживать поставщиков или зарплату. Второй — работа двенадцати номеров малого крыла, доставка завтраков, аренда белья и внешняя прачечная. Он давал двадцать семь дней до критического остатка. Третий строился на открытии части основного корпуса через неделю, но подтверждений для него пока не было.

— В первом сценарии ты учла майский кредит? — спросила я.

— Да. И возвраты на четыреста шестьдесят тысяч по состоянию на полдень. Вчера считали триста восемьдесят.

— Почему выросло?

— Три семьи решили уехать утром, еще две отменили майские даты после публикаций.

— Расходы на внешнюю прачечную?

— Во втором сценарии. Двести сорок тысяч за месяц при нашей загрузке малого крыла. Если откроем больше номеров, договор пересчитают.

— Завтраки?

— По себестоимости «Гавани» плюс доставка. Ресторан пока оставляем закрытым, чтобы не вести людей через основной корпус.

Ольга не пыталась смягчить цифры. В верхней строке каждого столбца стояла дата, когда на счете останется сумма только на один фонд оплаты труда и обязательный платеж.

— Если откроем малое крыло сегодня, сколько гостей вернется? — спросила я.

— По предварительным ответам — шесть номеров. Остальные останутся там, куда их переселили. Новые брони на ближайшие двое суток я бы не принимала.

— Согласна. Сначала возвращаем тех, кто уже жил у нас, если они сами захотят.

— Что делаем со сменами? — спросила Ольга. — Для двенадцати номеров нам не нужны все горничные и два администратора одновременно.

— Зарплату за апрель не сокращаем. Предложи оплачиваемые отпуска тем, кто сам готов их взять. Остальных переводим на инвентаризацию, прием белья после внешней стирки и подготовку основного корпуса к ремонту. В закрытую зону только после допуска.

— Это не уменьшит фонд оплаты труда.

— Знаю.

— Тогда двадцать семь дней — предел при нынешнем составе. Если страховая проверка затянется, придется вводить простой по части должностей или искать дополнительную выручку.

— К этому вернемся после первичного вывода в понедельник. Сегодня людям сообщаем только график на неделю и то, что зарплата будет вовремя.

Ольга внесла решение в таблицу. В коридоре у кабинета ждали трое сотрудников дневной смены. Я вышла к ним и повторила то же самое без обещаний сохранить обычный режим до конца сезона. Две горничные попросили поставить им по неделе отпуска: одна хотела съездить к родителям, вторая перенести запланированный майский отдых. Остальные согласились на временные задачи. Никто не предлагал работать бесплатно, и я была этому рада.

Закрытый корпус создавал работу другого вида: пересчитать белье после воды, описать поврежденную мебель, подготовить номера к очистке, сверить ключи и карты. Все это занимало часы и не приносило выручку. В финансовой таблице труд оставался расходом, даже если сотрудники хотели помочь отелю.

В четырнадцать десять лаборатория закончила измерения. Руководитель передал Павлу предварительную таблицу, но официальный протокол обещал только к шестнадцати. Все проверенные значения находились в допустимых пределах. Отдельная линия питания не проходила через поврежденный щит, аварийное освещение работало, шлейф сигнализации малого крыла отвечал без ошибок.

— Значит, можно открывать? — спросила я.

Павел посмотрел на Дмитрия. Тот не вмешался.

— После протокола я подпишу акт готовности электроустановок, — сказал Павел. — Нужна еще проверка противопожарной двери и выходов. Ее сделает ответственная комиссия отеля.

— Кто в комиссии?

— Я, Олег и специалист компании, которая обслуживает сигнализацию. Вы утверждаете акт как директор.

— Проводите.

Дмитрий добавил:

— Я зафиксирую результаты для страхового дела. Разрешения на гостиничную деятельность моя подпись не дает.

— Я уже прочитала ваше письмо.

— Хорошо.

— И запомнила.

В его лице ничего заметно не изменилось, но ответил он после короткой паузы:

— Еще лучше.

К трем часам у главного входа собрались двое журналистов местного сайта. Они хотели пройти в малое крыло и снять «последствия пожара». Я предложила письменный комментарий и фотографии, сделанные после разрешения пожарных. Доступ в номера не дала. Когда один из них спросил, скрываем ли мы масштаб ущерба, я отправила ссылку на утреннее обновление с точным числом закрытых помещений.

В городских группах появлялись новые снимки, но после нашего сообщения перестали писать о пострадавших. Вместо этого спорили, безопасно ли вообще останавливаться в старых гостиницах. На этот вопрос нельзя было ответить рекламой.

Я подготовила памятку для возвращающихся гостей. Отдельный вход. Закрытый переход в основной корпус. Завтраки доставляются в номер или малую гостиную. Ресторан, сауна и переговорная недоступны. При желании можно сохранить переселение за счет отеля или получить возврат. Внизу стояли телефоны дежурного администратора и мой рабочий адрес.

В шестнадцать пять пришел подписанный протокол лаборатории. Еще через сорок минут комиссия закончила проверку двери, выходов, аварийных фонарей и системы оповещения. Все замечания устранили на месте: заменили один аккумулятор в указателе и убрали коробки из кладовой возле запасного выхода.

Павел подписал акт технической готовности. Олег — лист проверки выходов. Представитель сигнализации приложил тестовый протокол. Дмитрий внес документы в опись страхового осмотра и написал, что поврежденная зона изолирована от малого крыла.

Я созвала короткую планерку.

— Малое крыло открываем сегодня в восемнадцать часов только для шести номеров, которые подтвердят возвращение, — сказала я. — Новые заезды начнем завтра после повторного обхода. Основной корпус, ресторан и служебный переход остаются закрыты. У каждого гостя берем подпись об ознакомлении с ограничениями.

— Цена номера та же? — спросила дневной администратор.

— Нет. Убираем стоимость завтрака и недоступных услуг, доставку оплачиваем мы. Ольга даст новый тариф.

— А если гость просит прежний номер в основном корпусе?

— Предлагаем малое крыло, переселение или возврат. Других вариантов нет.

Решение не вернуло нам прежнюю загрузку. Оно позволило принять двенадцать номеров из сорока двух и перестать платить за часть чужого размещения. К вечеру вернулись четыре семьи; еще две решили остаться в пансионате до отъезда.

В семь я встретила супругов Кругловых с дочерью. Девочка была уже в кроссовках и спросила, можно ли ей посмотреть на пожарную машину. Машины давно уехали. Я показала ей план эвакуации в новом номере и объяснила, где отдельный выход. Ее отец проверил замок перехода сам, затем подписал уведомление.

Дмитрий закончил работу около восьми. Он вернул временную карту, расписался в журнале и передал мне копию первичного акта.

— По малому крылу замечаний, препятствующих эксплуатации, в материалах осмотра нет, — сказал он. — По причине пожара выводов пока нет. В понедельник вскрываем сервисную панель вместе с инспектором.

— Я не просила вас повторять вторую часть.

— Она важнее первой.

— Для вас.

— Для страхового дела. Для вас сегодня важнее двенадцать номеров.

Он точно знал, сколько мы открыли. Значит, прочитал приказ, а не ограничился своей технической частью.

— И восемь дополнительных дней до критического остатка, — сказала я.

— Тогда решение имеет измеримый результат.

Дмитрий ушел. Я вернулась в кабинет, чтобы отправить страховщику комплект актов. В корпоративной почте лежало новое письмо с пометкой «Высокая важность».

Отправителем значилось ООО «Фортис Актив».

Компания уведомляла «Северную дюну» о переходе к ней прав требования по нашему кредитному договору и просила направлять все последующие платежи на новые реквизиты.

ГЛАВА 4. Новый кредитор

Инга Соколова прочитала уведомление дважды: сначала с экрана, затем в распечатке с полными заголовками письма.

— Приложения где? — спросила она.

— Выписка с суммой долга, новые реквизиты и копия уведомления банка. самого договора уступки нет.

— Подтверждение полномочий подписанта?

— Электронная подпись проходит проверку.

— Это подтверждает, кто подписал письмо. Объем перешедшего требования пока подтвержден только их словами.

Она взяла красный карандаш и отметила дату в правом верхнем углу: семнадцатое апреля. В тот же день Вадим принес предложение о покупке отеля.

Я приехала к Инге в Калининград к десяти утра. Дорога из Ветровска заняла пятьдесят две минуты: я выехала до основной утренней пробки. Отель остался на Ольге и Павле. В малом крыле жили семь гостей, новых заездов до дневного обхода мы не принимали.

Офис Инги находился на втором этаже делового центра над аптекой. В приемной стояли два стула, шкаф с папками и аппарат с водой. Она не изображала юридическую компанию, способную одним письмом отменить чужие права. Работала с арбитражными спорами и договорами, а гостиничные документы знала с момента реконструкции малого крыла.

— Начнем с плохого, — сказала Инга. — Банк вправе уступить требование, если наш договор этого не запрещает. Я проверила: не запрещает. Твоего согласия не требуется.

— Значит, «Фортис Актив» теперь может забрать здание?

— Нет. Сейчас он может доказать переход прав и получить очередной платеж. Здание остается собственностью ООО. Для взыскания нужен факт нарушения, уведомление и процедура по договору ипотеки.

— Там внесудебный порядок.

— Да. И это хуже, чем обычный долг без залога. Но слово «внесудебный» не означает «сегодня прислали письмо, завтра поменяли замки». Пока платежи идут по графику, основания запускать взыскание нет.

— Пожар считается нарушением?

— Сам пожар — нет. Нужно смотреть ковенанты: страхование, сохранность залога, уведомление о существенном ущербе, снижение стоимости. Ты сообщила банку о событии?

— Вчера утром. Полис действующий, банк указан выгодоприобретателем.

— Хорошо. Отправим новому кредитору копию уведомления и запросим документы об уступке, расчет долга, переход прав по ипотеке и подтверждение реквизитов. Платеж пятого мая держим на отдельном счете. До получения доказательств никуда его не переводим.

Инга открыла раздел о сохранности залога. Кредитор мог потребовать дополнительное обследование после существенного повреждения, но не назначить стоимость здания сам. Для пересмотра обеспечения требовался отчет оценщика и письменное требование с расчетом.

— Они могут сказать, что после пожара отель стоит меньше долга? — спросила я.

— Сказать могут. У тебя долг тридцать восемь миллионов, последняя оценка имущества во много раз выше. Даже с повреждением прачечной разрыв остается большим. Если появится новая оценка, проверим методику и доступ оценщика к объекту.

— А мое поручительство?

— Начнет работать при неисполнении обязательства обществом. Это отдельное требование к тебе, а не право забрать любую вещь без процедуры.

— На мне автомобиль и личный счет.

— Служебная квартира принадлежит ООО, верно?

— Да.

— Тогда не называй ее своим жильем в официальной переписке. Кредитор должен видеть точную структуру, но мы не будем сами расширять перечень твоих активов. Сейчас общество платит, полис действует, ущерб оценивают. Держимся этих фактов.

Она проверила, приложили ли мы к уведомлению страховщика номер обращения и предварительный акт пожарных. Не хватало подтверждения получения банком. Я нашла автоматическую квитанцию в корпоративной почте и сохранила ее в папку спора.

— Вот почему документы собирают в день события, — сказала Инга. — Через месяц пришлось бы восстанавливать время по журналам и телефонным разговорам.

— В день события я занималась гостями.

— И правильно. Поэтому у директора есть финансовый заместитель и юрист. Твоя задача не сделать все самой, а обеспечить, чтобы это было сделано.

Я отметила фразу в блокноте как рабочее требование, хотя она слишком точно попадала в мою привычку считать личное участие единственной гарантией результата.

— А если они пришлют документы четвертого числа?

— Проверим в тот же день и заплатим. Если не успеем по объективной причине, зафиксируем готовность исполнить обязательство. Но деньги не трогаем.

Я открыла кредитный договор на ноутбуке. Инга заранее выделила пункты о досрочном требовании. Кредитор мог потребовать устранить просрочку и нарушение условий в срок, указанный в письменном уведомлении. Немедленная реализация залога без предупреждения договором не предусматривалась.

— Почему банк продал исправный кредит? — спросила я.

— Этого из документов не узнать. Может, ему понадобилась ликвидность. Может, «Фортис» предложил хорошую цену. Может, риск после пожара изменил внутреннюю категорию. Все остальное пока версии.

— Вадим знал о сделке в пятницу.

— У тебя есть доказательство?

— Он сказал, что скоро у меня не будет выбора.

— Это доказательство давления, если связать с другими действиями. Само по себе — обычная неприятная фраза бывшего мужа.

Инга не спорила с моей уверенностью, что за письмом стоит Вадим. Она отделяла то, что можно было приложить к делу, от того, что знала я. После разговора с Дмитрием этот способ мышления уже не казался мне нарочитым недоверием.

Мы открыли выписку по «Фортис Активу» из официального реестра. Компания существовала четыре года, основной вид деятельности — управление активами и покупка прав требования. Единственным участником было ООО «Гранит Проект». Его совладелец Денис Макаров входил в инвестиционный комитет «Северного контура» и вместе с Вадимом выступал на февральской презентации курортного комплекса.

Фотографии с презентации находились на сайте самого «Северного контура». Получать закрытые данные или просить знакомого в банке не требовалось.

— Связь есть, — сказала Инга. — Аффилированность для конкретной сделки еще придется доказывать глубже. В ответе достаточно указать, что мы видим потенциальный конфликт интересов и просим вести общение официально.

— Они могут отказаться раскрывать цену уступки?

— Могут. Тебе важнее объем требования и документы, по которым нужно платить. Цена между старым и новым кредитором не меняет твой долг.

— Если они купили его дешевле, а с меня требуют всю сумму?

— Это обычная природа уступки. Моральную оценку в ответ не вставляем.

Инга создала новый файл и начала диктовать структуру письма: подтверждаем получение уведомления, запрашиваем доказательства перехода права, просим уточнить реквизиты и полномочия, сообщаем о готовности исполнить очередной платеж после проверки. Отдельным абзацем — пожар, регистрация страхового случая и работа независимой группы.

— Про предложение Вадима писать? — спросила я.

— Пока нет. Он выступал от имени другой компании. Сначала пусть «Фортис» сам обозначит, что ему нужно кроме платежа.

— Ему нужен отель.

— Анна, я тебе верю. Но письмо пишется не для меня.

Она развернула экран, и я прочитала текст. Ни одной угрозы встречным иском. Ни одного обещания раскрыть связь компаний прессе. Только документы, сроки и готовность платить.

— Сколько будет стоить сопровождение? — спросила я.

— Анализ уступки, ответ, переговоры до первого требования — сто восемьдесят тысяч. Если дойдем до суда, отдельный договор и бюджет.

— Счет на ООО.

— Сегодня выставлю. И еще одно: не звони Вадиму с вопросом, зачем он это сделал.

— Я не собиралась.

— Собиралась. Просто хотела назвать это выяснением обстоятельств.

Я не ответила. Инга знала меня достаточно давно, чтобы иногда угадывать намерения по вопросу, который я задавала третьим по счету.

Мы подписали договор в одиннадцать сорок. Я отправила Ольге сумму и назначение платежа, а также распоряжение остановить подготовку к покраске холла. На нее было заложено четыреста двадцать тысяч. Стены могли подождать до осени; юридический счет — нет.

Перед выездом я позвонила в отель. Ольга доложила, что малое крыло прошло утренний обход, вернулась еще одна пара, а первый новый заезд назначен на четырнадцать часов. Дмитрий с Романом работали в основном корпусе вместе с инспектором и пока ничего не перемещали.

— Павел рядом? — спросила я.

— На объекте. Сегодня выглядит спокойнее.

— Пусть не обсуждает с подрядчиком пожар без Инги или эксперта.

— Уже предупредила. «БалтСервисПром» звонил утром, предлагал прислать Аркадия и бесплатно все проверить.

— Не пускать.

— Я ответила, что доступ только по согласованию с инспектором.

— Правильно.

Я убрала телефон и спустилась к машине. На парковке аптеки было тесно, выезжать пришлось задним ходом между фургоном и бетонным столбом. Дорога к морю заняла больше часа: на выезде из города начался дневной поток.

Во время движения Вадим позвонил дважды. Я не отвечала за рулем. На стоянке у заправки прослушала голосовое сообщение.

«Анна, я знаю, что ты получила уведомление. Давай закончим это без юристов. Ты только увеличиваешь расходы, которые все равно лягут на отель».

Я переслала запись Инге и написала Вадиму: «Все предложения и вопросы по кредитному договору направляй официально от имени соответствующей стороны».

Ответ пришел почти сразу.

«Мы пока можем говорить как взрослые люди».

Я не стала уточнять, кем он считал людей, которые читали документы перед разговором.

В отель я вернулась около двух часов. У отдельного входа малого крыла стояла машина с московскими номерами, дневной администратор помогал паре занести чемоданы. На двери

висела свежая памятка об ограничениях, подписанная мной утром. Бизнес работал, хотя две трети номерного фонда оставались недоступны.

В основном корпусе Дмитрий и инспектор готовились вскрыть внешний короб кабельной линии. Сервисную панель самой сушильной машины должны были осматривать только на следующий день при представителе лаборатории.

Я переоделась и вошла в служебный коридор после регистрации.

— Мне сообщили, что подрядчик хотел прислать своего электрика, — сказал Дмитрий.

— Мы отказали.

— Хорошо. На совместный осмотр его нужно пригласить письменно. Если не придет, это укажем в акте.

— Вы хотите снова пустить сюда Аркадия?

— Он не будет касаться оборудования. Но у компании есть право присутствовать при осмотре своей работы, если инспектор согласует.

— А если он что-то изменит?

— Поэтому доступ контролируется. Отказ приглашать подрядчика даст ему удобный довод, что выводы сделали без него.

Я могла запретить вход на территорию. Отель принадлежал моему обществу, и после пожара любой посторонний казался угрозой. Но техническое заключение должно было выдержать спор, а не только успокоить меня.

— Приглашение подготовит Инга, — решила я. — Время и состав доступа согласуем с инспектором и вами.

— Со мной согласовывать необязательно. Достаточно уведомить группу.

— Вы упорно отказываетесь от лишних полномочий.

— Они создают лишнюю ответственность.

Роман закончил съемку короба. Дмитрий показал мне поврежденный участок изоляции, который находился уже внутри прачечной, но ничего не объяснил до анализа. Я не спрашивала второй раз.

В кабинете меня ждали новые реквизиты кредитора. «Фортис Актив» ответил на автоматическое подтверждение письма быстрее, чем на официальный запрос Инги. В коротком сообщении просили провести ближайший платеж без задержки и предлагали встречу для «обсуждения комплексного урегулирования».

— Даже не называют проблему, которую собираются урегулировать, — заметила Ольга.

— Пока ее нет. Платеж через две недели.

— А пожар уже есть.

Она поставила в график юридический аванс — сто восемьдесят тысяч — и убрала покраску холла. Запас времени по сценарию малого крыла сократился примерно на день.

В шесть вечера Дмитрий принес список дополнительных документов. Он не спрашивал о кредиторе и, судя по описи, еще не получал копию уведомления. Страховая проверка шла по своему маршруту.

— Нужны все работы «БалтСервисПрома» за последние шесть месяцев, — сказал он. — Не только по прачечной. Заявки, акты, счета, перечень выданных карт и фамилии сотрудников, которые принимали результат.

— Зачем работы по насосу или кухонному оборудованию?

— Чтобы понять обычный порядок: кто оформляет доступ, когда подписываются акты, меняются ли детали без отдельной строки. Одна заявка ничего не говорит о системе работы.

— Срок?

— К завтрашнему осмотру желательно иметь прачечную. Остальное — до вечера вторника.

Я передала список Ольге и Павлу. Шесть месяцев означали десятки заявок, часть из которых хранилась в электронном кабинете подрядчика, часть — в нашей почте и бумажных папках. Собрать только аккуратные документы было бы быстрее.

— Выгружаем все, — сказала я. — Включая заявки без закрывающих актов и просроченные работы.

Павел посмотрел на длинный перечень.

— Там будет бардак.

— Значит, эксперт увидит бардак. А мы увидим, что придется менять после проверки.

Мы начали с бухгалтерской системы. За полгода «БалтСервисПром» выставил восемнадцать счетов: обслуживание прачечной, два выезда по насосам, ремонт кухонного шкафа, проверка автоматики ворот и плановые осмотры щитов. Ольга выгрузила платежные поручения и связала каждый счет с договором.

Павел открыл инженерный архив. Из восемнадцати работ к пятнадцати акты были подшиты в нужные папки. Два акта пришли с опозданием и лежали в общей корреспонденции. По январскому выезду к насосу документа не оказалось вовсе, хотя счет был оплачен после электронного подтверждения Павла.

— Почему оплатили без акта? — спросила Ольга.

— Насос встал перед морозами, — ответил Павел. — Они прислали скан позже.

— Где скан?

— Должен быть в почте.

На этот раз я не стала реагировать на слово «должен». Ольга внесла документ в список поиска, Павел указал примерную дату. Мы фиксировали отсутствие на момент выгрузки, а не объявляли бумагу потерянной навсегда.

Отдельно составили таблицу доступа. По правилам инженерная служба направляла заявку охране, охрана выдавала временную карту, подрядчик расписывался при входе и выходе. В пяти случаях номер карты в журнале был записан не полностью. Все пять смены принимал один и тот же охранник, который писал последние четыре цифры вместо полного номера. Это было нарушением учета, но еще не доказательством, что карты не вернули.

— Дмитрий спросит, почему мы так работали, — сказал Павел.

— Ответим правду. Не заметили и не проверили.

— Он запишет это в отчет.

— Если относится к доступу — запишет.

Павел снял очки и протер их краем рубашки. Такой жест я видела у него при работе с мелкими схемами, поэтому не стала приписывать ему отдельное значение.

К девяти вечера мы собрали папку по прачечной и общую опись остальных работ. Не найденный январский акт отметили отдельной строкой. Ольга сохранила исходные файлы в архив с запретом редактирования, рабочие копии сложила в другую папку.

Я могла убрать из первой передачи работы с неполными номерами карт: к сушильной машине они не относились. Но тогда обычный порядок выглядел бы аккуратнее, чем был на самом деле, а Дмитрий просил именно его.

Я подписала распоряжение о полной выгрузке сервисных работ за полгода. Кредитор получил официальный запрос Инги. Вадим — единственный ответ, который собирался получить от меня лично.

ГЛАВА 5. Нулевая версия

Аркадий Белов пришел на совместный осмотр без инструментов.

Он зарегистрировался у охраны, получил гостевой пропуск и поставил подпись под правилами доступа: ничего не трогать, не фотографировать материалы страховой группы, отвечать только по работам своей компании. Вместе с ним приехала юрист «БалтСервисПрома» — молодая женщина с диктофоном и доверенностью.

— Наш сотрудник будет вести запись, — сказала она.

— После согласования со всеми участниками, — ответила Инга. — Стенограмму получите по запросу. Скрытой записи с нашей стороны не будет.

Осмотр начинался во вторник, двадцать первого апреля, в девять утра. В прачечной находились пожарный инспектор, Дмитрий, Роман, сотрудник лаборатории и Павел. Я стояла у двери рядом с юристами. Аркадию разрешили пройти по зафиксированному маршруту и остановиться за меткой в полутора метрах от сушильной машины.

Впервые я видела его не мельком возле служебного входа. Ему было около сорока пяти. Короткая стрижка, рабочая куртка собственной компании, чистые ботинки. Он поздоровался с Павлом, назвал Дмитрия по имени из письма и сразу уточнил, какие узлы уже снимали.

— Внешнюю панель не открывали после пожара, — сказал Дмитрий. — Положение крепежа и кабелей зафиксировано. Сейчас инспектор снимает пломбу, затем лаборатория изымает поврежденные элементы.

— Вы считаете, очаг внутри панели? — спросил Аркадий.

— Предполагаемая зона первичного термического воздействия находится там. Причину установим после исследования.

Инспектор проверил номера кадров и начал откручивать крепеж. Металл деформировался от нагрева, два винта пришлось снимать специальным захватом. Никто не торопил его. Когда панель отделили, Роман сделал серию снимков до очистки копоти.

Внутри сильнее всего обгорел участок возле цепи управления нагревом. Изоляция нескольких проводов оплавилась, пластиковый корпус реле потерял форму. По внешнему виду нельзя было понять, что разрушилось первым, а что пострадало от огня.

— Это реле вы проверяли пятнадцатого числа? — спросил Дмитрий у Аркадия.

— Проверял цепь и датчик температуры. Реле не менял.

— Панель снимали?

— Да.

— Подключения отсоединяли?

— Измерял напряжение и сопротивление. После проверки восстановил штатную схему.

— Запасные детали с собой были?

— Стандартный набор. Что именно в нем лежало в тот день, по памяти не перечислю.

— Отчет о расходе деталей ведется?

Юрист подняла руку.

— Документы компании предоставим на письменный запрос. Аркадий Леонидович отвечает о выполненной заявке.

Дмитрий не спорил.

— Тогда зафиксируем запрос отдельно. Кто присутствовал при завершении работы?

— Павел Ильич подошел перед запуском.

Павел подтвердил. Сушильную машину включили без белья, затем проверили нагрев на коротком режиме. Ошибка не повторилась.

Сотрудник лаборатории показал инспектору участок проводника под разрушенным реле. Там оставался короткий металлический фрагмент, назначение которого нельзя было опреде-

лить без очистки и схемы производителя. Его изъяли вместе с реле, упаковали в отдельный контейнер и опечатали. В акте указали состояние, место и всех присутствующих.

— Это штатная деталь? — спросила я.

— Ответ будет после сравнения со схемой и контрольным узлом, — сказал специалист лаборатории.

Первая сушильная машина была той же модели и куплена одновременно со второй. Огонь до нее не дошел, но открывать панель без отдельной фиксации никто не собирался. Инспектор разрешил использовать ее как контрольный узел после того, как Роман снял пломбы, крепеж и общий вид.

Аркадий возразил:

— Сравнить две машины напрямую нельзя. Производитель менял комплектацию в одной партии.

— Поэтому запишем заводские номера и запросим схемы на обе, — ответил Дмитрий.

— Визуальное отличие само по себе выводом не станет.

Панель первой машины открыли в присутствии всех сторон. Реле сохранило маркировку, проводники входили в штатные клеммы. Металлического фрагмента, похожего на найденный во второй сушилке, я не увидела. Дмитрий не позволил мне подойти ближе и попросил Романа снять узел с масштабной линейкой.

— Теперь вы можете сказать, что деталь лишняя? — спросила я.

— Могу сказать, что в контрольной машине ее нет. Схема и следы на изъятом фрагменте покажут назначение.

Сотрудник лаборатории записал заводские номера. У контрольной машины взяли только фотографии и данные, ничего не изымали. После осмотра питание на нее не подавали: общий корпус все еще оставался закрытым.

Аркадий ничего не добавил. Он следил за упаковкой, затем попросил вписать замечание: часть проводников разрушена при пожаре, исходное положение некоторых соединений восстановить невозможно. Инспектор внес фразу без возражений.

После осмотра мы перешли в переговорную. «БалтСервисПром» привез оригинал акта от пятнадцатого апреля. В нем стояли диагностика датчика, проверка клемм, пробный запуск. Строка о замене деталей была пустой. Акт подписал только Аркадий; подписи Павла или другого представителя отеля не было.

— Почему односторонний? — спросила Инга.

— Заказчик подтверждает выполнение в электронном кабинете, — ответила юрист. — Это предусмотрено приложением к договору.

Ольга открыла договор. Электронное подтверждение действительно считалось приемкой работы, если в течение двух дней отель не направлял возражений. Павел закрыл заявку после пробного запуска.

— Вы дали разрешение менять реле? — спросил Дмитрий.

Павел ответил не сразу.

— Я сказал Аркадию: если причина в датчике или реле, менять, не ждать отдельной заявки. У нас накопилось белье перед выходными.

— Это было при личном разговоре?

— Да.

— Дополнительную стоимость согласовали?

— Нет. Он сказал, что замена не потребовалась.

Юрист подрядчика сделала пометку.

— Компания не подтверждает поручение на замену. В акте выполненных работ ее нет.

— Я не утверждаю, что он заменил, — сказал Павел. — Я говорю, что разрешил, если понадобится.

Дмитрий включил запись ответа в протокол именно в такой формулировке. Он не называл разрешение причиной пожара, но и не позволял Павлу от него отказаться.

После отъезда подрядчика мы остались в переговорной впятером: я, Инга, Ольга, Павел и Дмитрий. На столе лежали три группы документов — наша заявка, акт компании и протокол осмотра.

— Какие версии у вас сейчас? — спросила я.

— Те же, что в начале, — ответил Дмитрий. — Внутренний дефект элемента. Ошибка при диагностике или последующем монтаже. Внешнее изменение схемы. Последняя версия включает как умышленное действие, так и временное решение, которое забыли убрать.

— Вы нашли металлический фрагмент, которого не должно быть.

— Мы нашли фрагмент. Что должно быть в контрольном узле, подтвердит схема и лаборатория.

— Если это перемычка?

— Нужно установить, куда она была подключена и могла ли сохраниться после разрушения корпуса. Потом — когда ее установили. Технический факт не назовет человека автоматически.

— Сколько ждать?

— Предварительный результат по составу и назначению — до конца недели. Полный анализ дольше.

Я повернулась к Павлу.

— Почему устное разрешение не внесено в заявку?

— Потому что он ничего не менял.

— На момент разрешения ты этого не знал.

— Мы так работаем много лет. Если мелкая деталь есть в машине и укладывается в лимит, подрядчик меняет, потом включает в счет.

— В этом акте детали нет.

— Значит, не менял.

Инга вмешалась до того, как разговор перешел в спор по кругу.

— Сейчас установлено только одно нарушение внутреннего порядка: разрешение на возможную дополнительную работу не оформлено. Причина пожара пока не установлена. Разделите эти два вопроса.

Павел посмотрел на меня.

— Ты думаешь, я виноват?

— Я думаю, что мы не можем проверить твоё решение по документам. За это ты отвечаешь. За пожар — после экспертизы.

— Можешь отстранить меня сейчас.

— От инженерной работы? Тогда некому отвечать за восстановление и безопасность. От сбора материалов проверки я тебя отстраняю. Документы передают Ольга и Инга, доступы выгружает администратор системы. Все сервисные работы до конца аудита согласуют два человека.

— Кто второй?

— Ольга по стоимости и документам. Техническое решение остается твоим.

Павел медленно кивнул. Его должность и зарплата сохранялись, но доверие больше не означало отсутствие контроля.

— Дисциплинарный приказ будет? — спросил он.

— Сначала письменное объяснение. Потом решение по процедуре.

— Понял.

Он собрал свои копии и вышел. Дверь закрыл без удара.

— Правильное решение, — сказал Дмитрий.

— Я не просила оценивать мои кадровые решения.

— Я оценил сохранение технического ответственного. Полное отстранение сейчас создало бы новый риск.

— Тогда говорите точнее.

— Хорошо.

Инга убрала диктофон. Ольга отправилась готовить запрос объяснения. Я осталась с Дмитрием, потому что он хотел сверить обычный порядок работ по остальным заявкам.

Из восемнадцати выездов «БалтСервисПром» в пяти картах были сокращенные номера, два акта пришли после оплаты, один пока не нашли. Дмитрий выбрал для сравнения три случая: плановый осмотр щита, срочный ремонт насоса и замену датчика кухонного шкафа.

— Почему эти? — спросила я.

— Плановая, аварийная и похожая по типу детали. Если во всех случаях порядок разный, нельзя считать один пропуск необычным.

— То есть наш бардак может помочь подрядчику?

— Он может показать, что поздний акт сам по себе ничего не доказывает.

— Прекрасно.

— Но и подрядчик не сможет представить отсутствие строки как доказательство, что работы точно не было. Нужны независимые следы: складской учет, серийный номер, переписка, состояние узла.

Он не утешал меня и не пытался превратить плохой учет в преимущество. Каждая неточность закрывала один быстрый путь и заставляла искать другой.

Во второй половине дня к отелю приехал Константин Рябов, представитель «Фортис Актива». В письме он просил осмотреть состояние залога, и Инга согласовала доступ только в открытое малое крыло и холл. В поврежденную зону его не пустили.

Рябов был в светлом плаще и городских туфлях, совершенно не подходивших для мокрого служебного двора. Он принес доверенность, сфотографировал закрытый переход и попросил финансовую сводку ущерба.

— Предварительную оценку направим после получения от страховщика, — ответила Инга. — Сейчас есть акт пожарных и перечень закрытых помещений.

— Кредитор должен понимать, соблюдал ли заемщик правила эксплуатации. Кто отвечает за оборудование?

— Главный инженер, — сказала я. — Техническую причину устанавливают специалисты. Павел проходил через холл с папкой. Рябов повернулся к нему.

— Вы подтверждаете, что разрешили подрядчику ремонт без оформления? Это нарушение пожарной безопасности?

Павел остановился. Инга шагнула ближе, но первым ответил Дмитрий, вышедший из служебного коридора.

— Технический опрос завершен, — сказал он. — Причина пожара не установлена. Формулировать за специалиста признание в холле нельзя.

— А вы кто?

Дмитрий показал удостоверение.

— Руководитель независимой группы. Материалы передаются страховщику по установленному списку.

— «Фортис Актив» является кредитором и выгодоприобретателем.

— Тогда получите документы через страховщика после проверки полномочий. Разговор с сотрудником отеля в присутствии посторонних к осмотру не относится.

Рябов посмотрел на Ингу.

— Вы ограничиваете права залогодержателя?

— Мы соблюдаем согласованный объем доступа, — ответила она. — Ваш осмотр малого крыла продолжится, если вы готовы.

Он продолжил. Павел ушел в технический кабинет. Дмитрий не пошел за ним и не стал ждать благодарности от меня.

Я догнала его у журнала доступа, когда Рябов с Ингой поднялись в малое крыло.

— Вы не обязаны были вмешиваться, — сказала я.

— Обязан. Представитель кредитора задавал наводящий вопрос человеку, чьи ответы входят в технические материалы. Потом любой участник спора мог бы утверждать, что свидетель изменил формулировку под давлением.

— То есть вы защищали отчет.

— И Павла Ильича от признания, которого он не делал.

— Вы ему верите?

— Я не выбираю, кому верить. Его слова частично подтверждаются заявкой и звонком, частично пока ничем. Слова Аркадия — актом без вашей подписи и складским учетом, которого у нас еще нет.

— Удобная позиция.

— Не очень. Все стороны считают, что отсутствие быстрого вывода выгодно другой стороне.

Он вернул временную карту охраннику и проверил, что номер записан полностью. Я заметила это действие только потому, что утром подписала новый порядок.

— Многие владельцы отстранили бы главного инженера после такого признания? — спросила я.

— Многие отстраняют человека, которого проще показать страховщику. Потом нанимают нового и месяц восстанавливают документы. Вы оставили Павлу технические обязанности и убрали возможность влиять на проверку. Это разумнее.

Вчера я попросила его говорить точнее. Сегодня получила точный ответ, который относился к моему решению, а не ко мне самой.

— Значит, на этот раз вы действительно оценили кадровое решение.

— Да.

— Я запомню редкий случай выхода за полномочия.

— Запишите в журнал.

Это была первая его шутка, если сухую фразу можно было считать шуткой. Я улыбнулась уже после того, как Дмитрий отвернулся к Роману и начал обсуждать отправку контейнера в лабораторию.

На следующий день, двадцать второго апреля, Павел принес письменное объяснение. Он признал устное разрешение на замену деталей в пределах лимита и указал, что не видел фактической замены. К объяснению приложил историю звонков: разговор с Аркадием длился четыре минуты, но содержание он не доказывал.

Ольга нашла январский акт в общей почте. Он пришел вовремя, но сотрудник бухгалтерии не перенес его в инженерную папку. Еще одна ошибка оказалась обычной небрежностью, не связанной с пожаром. Мы включили ее в аудит документооборота.

Я утвердила временный порядок: любая сервисная работа получала номер заявки, перечень допустимых действий, лимит стоимости и две отметки о завершении — техническую и административную. Временные карты выдавались только на срок визита, полный номер фиксировался в журнале.

— Люди будут тратить на это по десять минут после каждого выезда, — предупредил Павел.

— Дешевле, чем два дня искать, кто что разрешил.

Он подписал ознакомление. Мы не помирились одной фразой и не забыли его ошибку. Но к вечернему обходу Павел уже принес список оборудования, которое следовало проверить до открытия основного корпуса.

В девятнадцать тридцать Тимур вошел в кабинет с планшетом.

— За последние пятнадцать минут шесть отмен на майские даты, — сказал он. — Все гости получили одно и то же письмо до отмены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.